

КЛЮЧЕВЫЕ РОЛИ ОЧЕВИДЦЕВ В ДИНАМИКЕ ЭСКАЛАЦИИ УЛИЧНОГО НАСИЛИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ КЕЙСОВ

Плотников В.В.¹, Самойлов С.Ф.²

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова¹,
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России²

Аннотация. В статье исследуется влияние группы свидетелей на динамику насилия в публичном пространстве. Показано, что публика может выступать как фактор эскалации конфликта (от простого наблюдателя до соучастника агрессии), так и его сдерживания. Исследование носит теоретико-аналитический характер и основано на контент-анализе документированных случаев уличного насилия и вторичном анализе исследований в русле криминологии, социальной психологии, социологии. Выявлены и описаны ключевые роли очевидцев: пассивные свидетели, активные подстрекатели, соучастники, посредники и защитники. Обсуждаются экзистенциальные механизмы (эффект свидетеля, диффузия ответственности, деиндивидуация, групповая идентичность) и этические аспекты бездействия или вмешательства. В статье констатируется двойственная роль публики в ситуациях насилия (в зависимости от ее характеристик), а также обосновывается значимость нормализации практики активного вмешательства для предотвращения эскалации конфликта.

Ключевые слова: насилие; публичное пространство; свидетели; эффект свидетеля; эскалация конфликта; дезэскалация; групповое поведение; социальная психология.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

KEY ROLES OF BYSTANDERS IN THE DYNAMICS OF STREET VIOLENCE ESCALATION: A CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF PRECEDENT CASES

Vladimir V. Plotnikov¹, Sergey F. Samoilov²

Plekhanov Russian University of Economics¹,
Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia²

Abstract. This article examines the influence of bystander groups on the dynamics of violence in public spaces. It demonstrates that the public can act as both a factor in conflict escalation (from mere observers to accomplices to aggression) and a deterrent. This theoretical and analytical study is based on a content analysis of documented cases of street violence and a secondary analysis of research in criminology, social psychology, and sociology. Key bystander roles are identified and described: passive bystanders, active instigators, accomplices, mediators, and defenders. Existential mechanisms (the bystander effect, diffusion of responsibility, deindividuation, and group identity) and the ethical aspects of inaction or intervention are discussed. The article recognizes the dual role of the public in violent situations (depending on its characteristics) and substantiates the importance of normalizing the practice of active intervention to prevent conflict escalation.

Keywords: violence; public space; bystanders; bystander effect; conflict escalation; de-escalation; group behavior; social psychology.

Funding: Independent work.

Введение. Когда на улице происходит акт насилия – драка или нападение – вокруг неизбежно оказываются случайные свидетели. Поведение этих очевидцев способно как усилить жестокость происходящего, так и пресечь ее. Классический пример – история убийства Китти Дженовезе в 1964 году в Нью-Йорке, когда десятки очевидцев наблюдали за нападением, но не попытались помочь жертве [6]. Этот случай стимулировал появление понятия «эффект свидетеля» (он же эффект постороннего). Суть закономерности такова – чем больше людей наблюдает чрезвычайную ситуацию, тем меньше вероятность, что кто-то из них придет на помощь. Каждый

из свидетелей склонен рассчитывать, что вмешается кто-то другой, и в результате, его личная ответственность переносится на группу. Исследования Дж. Дарли [2] и Б. Латане [4] в конце 1960-х гг. экспериментально подтвердили, что в присутствии посторонних люди помогают жертве реже и менее охотно. Перенос ответственности на других и самоуверенность, что «все в порядке» рассматриваются как ключевые психологические механизмы этого феномена.

Вместе с тем, влияние публики на ситуацию насилия далеко не всегда сводится к бездействию. Во-первых, имеет значение контекст ситуации. В от-

носительно неопасных, двусмысленных случаях присутствие других действительно подавляет готовность помочь. Но в очевидно опасных для жизни ситуациях традиционный эффект свидетеля может ослабевать или даже сменяться противоположным эффектом. Исследование П. Фишера и соавторов показало, что в экспериментах с имитацией реальной опасности присутствие других людей повышает вероятность вмешательства – вероятно, дополнительные свидетели дают ощущение «физической поддержки» и смелости действовать [3]. В соответствии с этим, полевые наблюдения подтверждают, что в реальных уличных конфликтах чем больше вокруг наблюдателей, тем выше шанс, что хотя бы один из них вступит за жертву. Так, анализ записей уличных камер наблюдения в разных странах показал, что более чем в 90% конфликтов в общественных местах хотя бы один сторонний свидетель пытался помочь пострадавшему, причем большая численность присутствующих повышала общую вероятность вмешательства [5]. При этом, вмешательство одного может породить цепную реакцию, в основании которой лежат два принципа: 1) солидарность; 2) социально одобряемое поведение (базирующееся на активизации Сверх-Я). Эти данные опровергают упрощенное представление о всеобщей «социальной апатии» и указывают, что люди склонны вмешиваться, когда «дело принимает серьезный оборот», или когда понимают, что их реакция как бы «подсвечена» социальным вниманием. Действительно, антропологические исследования конфликтов в разных культурах допускают, что стремление третьей стороны остановить насилие – возможно, универсальная черта человеческого поведения.

Во-вторых, важна специфика связи между свидетелями и участниками конфликта. Если очевидец лично знаком с жертвой или агрессором, состоит с ними в одной группе (например, сосед, друг, соратник по команде и т.д.), его поведение будет существенно отличаться от реакции постороннего наблюдателя. Серия работ в социальной психологии показала, что групповая идентичность и чувство общности побуждают людей приходить на помощь «своим» значительно чаще. Классический эксперимент М. Левина и коллег демонстрирует, что футбольные болельщики охотнее помогали незнакомцу, получившему травму, если на нем была майка их любимого клуба, и реже – если атрибутика указывала на чужую команду [5]. Наличие предварительных связей способствует не только про-социальному поведению, но и противоположному – усугубляющему вмешательству. Свидетели, принадлежащие к той же группе, что и участник конфликта, нередко становятся его союзниками или резонаторами. Третьи лица могут вступить в драку на стороне своего друга или соратника, превращаясь фактически в новых агрессоров. Социолог Д. Блэк отмечал, что третий участник конфликта способен играть роль «партизана», поддерживающего одну из сторон, что обостряет противостояние [1]. Например, ссора между двумя людьми из

разных районов может перерасти в групповое столкновение, если их друзья вмешаются, защищая «своего». Таким образом, социальная близость между свидетелем и участниками насилия часто определяет тип его реакции. Либо он защищает жертву (деэскалация конфликта), либо помогает агрессору (эскалация).

Наконец, немаловажен социальный контекст публичного пространства. Анонимность и размер группы свидетелей в мегаполисе работают на безразличие, тогда как в локальном сообществе люди охотнее реагируют. Если событие происходит на «чужой территории» – в незнакомом или людном месте, психологический барьер для вмешательства выше [7]. Напротив, в знакомом окружении, в своем районе, где у человека есть чувство принадлежности, вероятность помощи увеличивается. Например, сельские жители и жители тесных сообществ чаще приходят друг другу на выручку, чем горожане в безликом потоке (например, метро в час пик). Это подтверждается и статистикой просоциального поведения. В небольших городах и деревнях уровень спонтанной помощи выше, чем в крупных городах с отчужденными социальными связями. Таким образом, культурно-государственные и урбанистические условия тоже влияют на поведение свидетелей насилия. Целью данной статьи является комплексный анализ влияния аудитории свидетелей на эскалацию или прекращение насильственного конфликта на улице.

Материалы и методы. Нами осуществлен качественный контент-анализ описаний и видеозаписей случаев уличного насилия, отображающих различное поведение публики. В выборку вошли как эпизоды случайного насилия в незнакомых местах, так и конфликты в локальных сообществах (например, драки в окрестностях проживания их участников). Источниками послужили данные из открытых репозиторий видеонаблюдения и репортажи СМИ за последние десять лет. Каждый случай кодировался по нескольким параметрам: количество свидетелей; степень их знакомства с жертвой или агрессором; наблюдаемая реакция каждого очевидца (бездействие, вербальные комментарии, попытка вмешательства – с указанием формы вмешательства). На втором этапе проведен вторичный анализ литературы, раскрывающей особенности и основания поведения очевидцев насилия. Методологическая стратегия сочетания контент-анализа и вторичного анализа литературы позволила обеспечить всесторонний междисциплинарный взгляд на проблему.

Результаты. В результате анализа случаев уличного насилия нами выявлен спектр типичных ролей, которые может принимать группа свидетелей. Ниже перечислены наиболее распространенные роли и их влияние на динамику конфликта.

Статистически, на первом месте – очевидцы, которые остаются в стороне, не предпринимая никаких действий. Они могут просто наблюдать за происходящим из чувства любопытства или шока, либо вообще игнорировать конфликт, быстро отходя и делая

вид (в том числе, для себя или спутников), что не заметили, или не понимают, что происходит. Пассивное большинство создает эффект молчаливого согласия. Отсутствие реакции со стороны окружающих часто воспринимается агрессором как сигнал безнаказанности. Более того, бездействие всех окружающих подкрепляет норму невмешательства – каждый свидетель видит, что остальные ничего не делают, и это усиливает его собственную неуверенность и страх действовать неправильно. Психологически пассивные свидетели могут испытывать внутренний конфликт – сочувствие жертве одновременно сочетается со страхом и надеждой, что вмешается кто-то другой. При этом, хотя сами пассивные наблюдатели напрямую не усиливают насилие, их безразличие фактически позволяет агрессии беспрепятственно продолжаться. Типичный пример – многочисленные факты пассивного созерцания разворачивающейся картины насилия или несчастного случая. Подобные ситуации наиболее полно отражают классический эффект свидетеля.

В некоторых случаях часть публики активно реагирует, но деструктивно – словесно поощряет агрессора или подзадоривает обе стороны продолжать конфликт. Крики толпы типа «Давай, бей!», аплодисменты или съемка драки на телефоны создают атмосферу зрелищности, превращая насилие в «шоу». Наличие болеющей аудитории резко затрудняет деэскалацию [7]. Агрессор чувствует поддержку и социальное одобрение своих действий, а жертве сложнее вырваться, поскольку вокруг нет сочувствия. Социальное одобрение насилия со стороны толпы может вести к явлению, описанному Р. Коллинзом, – «эмоциональной аффектации» агрессора, впадающего в состояние азарта или даже своеобразной эйфории жестокости. Коллинз отмечал, что толпа зрителей способна стимулировать состояние, когда накопившееся напряжение выплескивается в неконтролируемую жестокость. Проще говоря, ликующие наблюдатели могут развязать у агрессора руки, провоцируя его на более жестокие действия, чем он бы совершил без поддержки. Более того, если агрессор поддается стремлению соответствовать ожиданиям публики, доведение насилия до логического конца (победы, самоутверждения) становится частью, зачастую иллюзорного, социального капитала. Типичный пример – драки подростков или «школьные» бои, часто сопровождающиеся кругом сверстников, которые скандируют и смеются, что делает отступление «позорным» и вынуждает драться до последнего. Такая роль свидетелей явно ведет к усугублению насилия. То же самое относится и к ситуации эскалации насилия в виртуальной среде [8].

Еще более прямой вклад в эскалацию вносит ситуация, когда некоторые свидетели сами подключаются к насилию на стороне одного из первоначальных участников. Это может быть присоединение к агрессору, или управление агрессией. Например, несколько присутствующих решают вместе избить жертву (эффект «стаи» или группового нападения).

На первый взгляд, противоположный, но по содержанию – однопорядковый эффект несет вступление в драку на стороне жертвы, что формально направлено на защиту, но практически перерастает в расширение конфликта (например, завязывается массовая потасовка между двумя группами). В первом случае очевидцы становятся соучастниками преступления из хулиганских или конформных побуждений (механизм «распыления ответственности» играет роль: «я не один бью, значит, моя личная вина меньше» или «общая победа – моя личная доблесть; мои недостойные действия – это действия группы»). Во втором случае сторонние лица пытаются восстановить справедливость силой. Социологические работы показывают, что третьи стороны нередко втягиваются в конфликт именно по принципу групповой солидарности. Друзья жертвы ощущают моральный долг за нее заступиться. К сожалению, даже такие «благородные» соучастники могут непреднамеренно увеличить общий уровень насилия, особенно если агрессоров тоже несколько. В итоге инцидент перерастает в групповое столкновение. Классический пример – уличная драка между двумя молодыми людьми может привлечь их товарищей – каждый бросается помогать своему, и локальный конфликт разгорается до масштабов группового побоища. Активное соучастие очевидцев явно эскалирует насилие, увеличивая число участников и степень вреда.

Противоположная по воздействию роль – активный защитник жертвы, стремящийся прекратить или ограничить насилие. Такие свидетели непосредственно вмешиваются с про-социальной целью (оттащить нападающего, прикрыть собой жертву, оказать первую помощь пострадавшему, позвать подкрепление). В одиночку защитник рискует пострадать, однако его действие часто побуждает и других перейти от бездействия к помощи, нарушая коллективную пассивность. Психологически, пример смелого поступка одного человека способен разрушить «порог очевидца», когда остальные свидетели перестают ждать друг от друга инициативы. Исследования фиксируют, что присутствие хотя бы одного активного помощника значительно повышает вероятность общих скоординированных действий по спасению жертвы. Таким образом, роль защитника – ключ к снятию конфликта (она снижает эффективность агрессора и уменьшает дальнейший вред). Классический пример – случаи, когда прохожие вмешивались в попытку ограбления или нападения – хватали преступника, звали на помощь, тем самым останавливая развитие насилия.

Особая активная роль свидетеля – посредничество между конфликтующими сторонами. В этом случае очевидец старается деэскалировать ситуацию без применения силы (убеждением, переговорами, призывами к разуму). Миротворец может встать между дерущимися, пытаясь их разнять словами («Успокойтесь, хватит!»), либо предложить компромисс. Иногда эту функцию выполняют неформаль-

ные лидеры в толпе или уважаемые члены сообщества (например, старший прохожий, к которому прислушиваются молодые). Посредничество эффективно, когда агрессоры еще не полностью утратили самоконтроль и чувствительны к социальному одобрению или осуждению. Нейтральный посредник сигнализирует обеим сторонам, что за ними наблюдает общество и продолжение драки нежелательно. Социологические исследования конфликтов показывают, что присутствие третьих лиц, явно осуждающих насилие, часто приводит к самопроизвольному прекращению стычки – участники «остывают» под осуждающими взглядами или репликами окружающих. Таким образом, миротворческая роль свидетелей способствует деэскалации и разрешению конфликта с минимальными последствиями. Классический пример – привлечение старейшин к разрешению межнациональных конфликтов (характерно для традиционных культур).

Таким образом, наиболее распространенные роли очевидцев насилия это: пассивный наблюдатель, вербальный подстрекатель, активный соучастник, защитник и миротворец. Помимо перечисленных, фиксировались и другие модели поведения публики – вызов полиции или иных служб, последующая помощь жертве (утешение, свидетельские показания), бегство с места и т.д. Однако ключевое влияние на ход насилия оказывают именно вышерассмотренные роли (пассивность, подстрекательство, соучастие или вмешательство в различных формах).

Обсуждение. Результаты анализа свидетельствуют о двойственной, амбивалентной роли группы очевидцев в динамике насильственных инцидентов. С одной стороны, коллективное бездействие подтверждает классическую гипотезу о «равнодушной толпе», разобщенной и подавленной эффектом свидетеля. Чем больше людей просто смотрят и не вмешиваются, тем свободнее чувствует себя агрессор и тем дольше может продолжаться насилие. Групповые психологические механизмы – диффузия ответственности (каждый полагает, что инициатива лежит на ком-то другом) и страх социальной оценки (опасение выглядеть глупо или навлечь агрессию на себя) – парализуют волю отдельного очевидца в толпе. Кроме того, в незнакомых городских условиях срывается феномен анонимности (люди среди незнакомцев чувствуют себя менее обязанными действовать, чем если бы это происходило в их сообществе). Эти факторы порой превращают собравшуюся публику в пассивных «свидетелей-соучастников», чей нейтралитет выгоден преступнику. Подобная «банальность безучастия» сродни моральной ответственности (наблюдатель, который мог предотвратить зло, но не сделал этого, невольно способствует его торжеству). С. Коэн, исследовавший социальное отрицание насилия, писал, что общество часто предпочитает «не замечать» актов жестокости, происходящих перед гла-

зами, чтобы не брать на себя тяжкий труд вмешательства. Эта нравственная дилемма свидетеля – выбирать между безопасностью бездействия и рискованным, но правильным поступком – составляет важный философский аспект проблемы.

С другой стороны, наличие «третьей стороны» может стать источником спасения и сдерживания агрессии. Если среди очевидцев возникает активная просоциальная норма, она способна быстро распространиться по принципу домино. Стоит одному человеку вмешаться – и эффект свидетеля рушится, уступая место эффекту общей солидарности. Свидетели, видя пример, уже не чувствуют себя «один на один» с трудной задачей, а действуют сообща. Интересно, что группа незнакомых людей при успешном совместном вмешательстве приобретает черты временного сообщества – их связывает общая цель остановить зло. Это перекликается с концепцией коллективной ответственности в социальной философии (люди, находящиеся при одном событии, могут внезапно ощутить ответственность друг за друга и за ситуацию в целом). Проведенный нами анализ контента социальных сетей и исследовательских источников показывает, что решающее значение имеют социальные отношения и идентичность (когда очевидец воспринимает жертву как «члена своей группы» – будь то друг, сосед, соотечественник или хотя бы просто «такой же человек» – шансы на помощь существенно возрастают). Напротив, эмоциональная дистанция и отчуждение способствует бездействию. Таким образом, укрепление чувства общности и эмпатии в обществе способно уменьшить проявления эффекта свидетеля в реальных опасных ситуациях.

Заключение. В публичном пространстве роль случайных свидетелей при акте насилия нельзя недооценивать. Проведенный анализ показал, что группа очевидцев – это не пассивный фон, а активный фактор, способный кардинально менять траекторию конфликта. Наиболее значимые роли публики варьируются от бездействующих наблюдателей, невольно облегчающих агрессору задачу, до соучастников, усугубляющих насилие, и до защитников или медиаторов, останавливающих его. Вклад свидетелей в эскалацию или деэскалацию зависит от многочисленных факторов (количества людей и их отношений, психологических эффектов присутствия других, культурного контекста и нравственных установок). Для потенциального снижения уличного насилия важно работать не только с потенциальными правонарушителями и жертвами, но и с «третьей стороной» – социальной средой. Просветительская работа, направленная на преодоление эффекта свидетеля, на формирование ответственности за происходящее рядом, повышает готовность людей не оставаться равнодушными. Например, сам факт понимания того, что «эффект свидетеля» существует – позволяет снизить его воздействие на носителя этого знания.

Конфликт интересов Conflict of Interest

Не указан.

None declared.

Рецензия

Review

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Black D. *The Social Structure of Right and Wrong*. San Diego: Academic Press, 1993. 224 p. ISBN: 978-0-12-102800-8
2. Darley J.M., Latané B. *Bystander intervention in emergencies: diffusion of responsibility* // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1968. Vol. 8, no. 4. P. 377-383. DOI: 10.1037/h0025589
3. Fischer P. et al. *The bystander-effect: a meta-analytic review on bystander intervention in dangerous and non-dangerous emergencies* // *Psychological Bulletin*. 2011. Vol. 137, no. 4. P. 517-537. DOI: 10.1037/a0023304
4. Latané B., Nida S. *Ten years of research on group size and helping* // *Psychological Bulletin*. 1981. Vol. 89, no. 2. P. 308-324. DOI: 10.1037/0033-2909.89.2.308
5. Levine M., Taylor P.J., Best R. *Third parties, violence, and conflict resolution: the role of group size and collective action in the microregulation of violence* // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22, no. 3. P. 406-412. DOI: 10.1177/0956797611398495
6. Manning R., Levine M., Collins A. *The Kitty Genovese murder and the social psychology of helping: the parable of the 38 witnesses* // *American Psychologist*. 2007. Vol. 62, no. 6. P. 555-562. DOI: 10.1037/0003-066X.62.6.555
7. Коллинз П. *Насилие: микросоциологическая теория / пер. с англ. Н. Проценко*. - Москва: Новое литературное обозрение, 2025. - 1008 с. - (Библиотека журнала "Неприкосновенный запас"). ISBN: 978-5-4448-2594-5
8. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Никонова Е. Ю., Виницкий Д. А., Попков А. Е. *Агрессия в иммерсивной виртуальной среде: поведенческие стратегии подростков и эффект свидетеля* // *СПЖ*. 2022. №86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressiya-v-immersivnoy-virtualnoy-srede-povedencheskie-strategii-podrostkov-i-effekt-svidetelya> (дата обращения: 12.02.2026). DOI: 10.17223/17267080/86/2 EDN: ZONJQW

References

1. Black D. *The Social Structure of Right and Wrong*. San Diego: Academic Press, 1993. 224 p. ISBN: 978-0-12-102800-8
2. Darley J.M., Latané B. *Bystander intervention in emergencies: diffusion of responsibility* // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1968. Vol. 8, no. 4. P. 377-383. DOI: 10.1037/h0025589
3. Fischer P. et al. *The bystander-effect: a meta-analytic review on bystander intervention in dangerous and non-dangerous emergencies* // *Psychological Bulletin*. 2011. Vol. 137, no. 4. P. 517-537. DOI: 10.1037/a0023304
4. Latané B., Nida S. *Ten years of research on group size and helping* // *Psychological Bulletin*. 1981. Vol. 89, no. 2. P. 308-324. DOI: 10.1037/0033-2909.89.2.308
5. Levine M., Taylor P.J., Best R. *Third parties, violence, and conflict resolution: the role of group size and collective action in the microregulation of violence* // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22, no. 3. P. 406-412. DOI: 10.1177/0956797611398495
6. Manning R., Levine M., Collins A. *The Kitty Genovese murder and the social psychology of helping: the parable of the 38 witnesses* // *American Psychologist*. 2007. Vol. 62, no. 6. P. 555-562. DOI: 10.1037/0003-066X.62.6.555
7. Collins R. *Violence: a microsociological theory / translated from English by N. Protsenko*. - Moscow: New Literary Review, 2025. - 1008 p. - (Library of the magazine "Inviolable reserve"). ISBN: 978-5-4448-2594-5
8. Soldatova G. U., Chigarkova S. V., Nikonova E. Yu., Vinitsky D. A., Popkov A. E. *Aggression in an immersive virtual environment: behavioral strategies of adolescents and the witness effect* // *SPJ*. 2022. №86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressiya-v-immersivnoy-virtualnoy-srede-povedencheskie-strategii-podrostkov-i-effekt-svidetelya> (date of request: 12.02.2026). DOI: 10.17223/17267080/86/2 EDN: ZONJQW

Информация об авторах:

Плотников Владимир Валериевич, доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, ORCID: 0000-0002-2130-7357, E-mail: inkognito13@inbox.ru

Самойлов Сергей Федорович, доктор философских наук, профессор, заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных дисциплин Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, inkognito1@inbox.ru

Vladimir V. Plotnikov, Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration, Plekhanov Russian University of Economics.

Sergey F. Samoilov, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.02.2026;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.03.2026;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.